

# Картонки о былом

## «Обводный канал» Ильи Орлова в галерее NAVICULA ARTIS любуется Станислав Савицкий



«Спиртоочистительный завод на Екатерингофке», 2007

В БОЛЬШИНСТВЕ европейских столиц старые промышленные районы за последние десятилетия превратились в центры современного искусства или дома культуры. Давно уже нет знаменитых парижских боен, снабжавших город кровавыми отбивными и прочими невегетарианскими радостями плоти. Теперь тут парк Ля Вийет, выставочные помещения, где показывают чудеса науки и техники, и зал современной авангардной музыки. В Вене старые газгольдеры поделили на офисы, жи-

лье для среднего класса и мастерские художников, но не сказать, что величественные индустриальные руины зажили новой жизнью. Больше здешний арт напоминает отчетно-плановую деятельность советских ДК. Похожим образом сложилась судьба Каарели, Кабельного завода в Хельсинки. В Москве та же участь постигла бывший вино-водочный завод у Курского вокзала и гараж архитектора-конструктивиста Константина Мельникова.

Обводный канал между тем по-прежнему

остается диким районом на краю центра, в который петербуржцы стараются не заезжать. Зато для художников, фотографов и литераторов это одно из любимых мест в городе вот уже сто лет. Построенный как обходной водный путь для торговых судов, Обводный практически не использовался, так как с середины XIX века не выдерживал конкуренции с новым транспортным средством — железной дорогой. Постепенно канал стал границей центра, вдоль которой строились заводы и вокзалы. Местное население не отличалось хорошими манерами ни в 1920-е, ни в послевоенное время. Здесь всегда можно было увидеть настоящий Петербург-Ленинград, без романтики всяких алых парусов и неоклассической напыщенности. В разные годы Обводный рисовали мирискусники, художники-круговцы, арефьевцы, живописцы из «газа-невского» сообщества. Колоритную жизнь местных люмпенов воспел Николай Заболоцкий, стилизуя раннесоветских мещан под простолюдинов с фламандских картин XVII века. В начале восьмидесятых несколько литераторов издавали машинописный журнал «Обводный канал», увидев в этом окраинном районе символ свободного творчества, не зависящего от госинституций.

Вокруг Обводного не образовалась своя

школа, но десятилетиями невзрачные индустриальные пейзажи привлекали все новых и новых художников. Илья Орлов тоже начал рисовать эти места без подсказки учителя. Он вырос в двух шагах от канала и привык ценить в Ленинграде не Исаакиевскую площадь, но подобные укромные местечки. Прежде чем стать художником, Орлов был рок-музыкантом во времена «ТамТама» — одного из первых клубов в городе. Затем работал журналистом, сначала на радио «Катюша», позже на «Свободе» и НТВ. Лет пять назад он всерьез взялся за пейзажи Обводного. Несколько десятков видов набережной в районе газгольдеров и Балтийского вокзала выполнены на картоне из-под хозяйственных коробок. Эти безлюдные пейзажи с башнями и заводскими постройками могли бы напомнить живопись фотореалистов, если бы не неестественно насыщенные тона, делающие картины ирреальными. Возможно, это последние виды Обводного, нарисованные с натуры. Есть проект осушить канал и построить в его русле транспортную магистраль. И тогда в газгольдерах Олег Кулик будет сеять разумное, доброе, вечное, а Виктор Мизиано рассказывать общественности о трех источниках и трех составляющих совриска.

Галерея Navicula Artis, с 16 мая до 7 июня

# Мужчина с индюком

## «Цвет эмоций» Афро Базальделлы в Эрмитаже расчувствовалась Ольга Лузина

ОБЫЧНО художника знают по фамилии, а тут мировая известность пришла к имени. Это как если бы в русском искусстве был Казимир. Сын и племянник художников-декораторов, младший брат двух скульпторов, Афро Базальделла (1912–1976) еще в юности стал подписываться только именем, чтобы выделиться из семейного клана, благодаря которому он быстро включился в художественную жизнь: первый раз показал свои работы в шестнадцать лет, а в двадцать уже имел персональную выставку. С двадцати трех лет участвовал в Римской quadriennale и Венецианской биеннале, делал фрески и мозаики, а в живописи пробовал одно за другим самые разные направления, от венецианской традиции с оммажами Джорджоне, Тициана и Тинторетто до помпезно-монументального официального искусства, от игривого сюрреализма до умеренной экспрессии «Римской школы», от изощренных конструкций аналитического и синтетического кубизма до интимных натюрмортов Джорджо Моранди. Но в 1950 году в

Америке Афро столкнулся с абстрактным экспрессионизмом, прежде всего в лице Аршила Горки с его по-эпиграфически изящным плетением образов бессознательно и загадочных знаков чужих культур. Так Италия приобрела крупного представителя лирической абстракции, течения, распростиравшегося в Америке и Европе и культивировавшего импровизацию, яркость, эмоцию и цвет.

Эрмитажная выставка представляет около пятидесяти картин художника, написанных в 1935–75 годах, и хорошо иллюстрирует эти стилиобразующие метания. Душное пекло на «Римском форуме» (1935) написано в духе «Римской школы», а в «Осени» того же года птица в клетке напрямую отсылает к сюрреализму и глубокомысленным композициям Джорджо де Кирико. «Натюрморт» (1941) по-морандиевски внимательно вслушивается в негромкий диалог графинов синего стекла и охристой керамики. И даже «Негр из Луизианы» (1951), поблескивающий гранями, как хрустальная ваза, еще недалеко ушел

от фигуративного образца. А вот дальше очевидно движение в сторону беспредметности: контуры теряют четкость, определенность и начинают нервно извиваться, а затем и вовсе расплываются, уступая место пятнам — геометризованным или причудливым, плотным или многослойным.

Тут самое интересное — угадывать названия картин. Потому что среди них только одно безразличное «Без названия» (1968) и совсем немного вариаций на тему «Белое и черное» (1960), зато богатый выбор «Мальчиков и индюков» (1954); имеются «Большая черная роза» (1962), «Подводная охота» (1955), «Сгоревший дом» (1962) и даже «Строительство собора св. Петра» (1960).

В сущности, банально-сентиментальное название эрмитажной выставки можно приложить к любому лирическому экспрессионисту, их только известных несколько десятков. Конечно, именно так говорил



«Строительство собора св. Петра», 1960

о себе Афро, но с тем же успехом можно было бы использовать и другие приятные слова: праздничное искусство, чувственный и теплый цвет, утренняя свежесть, пение птиц. Удивительно, но все эти выражения взяты из крупной монографии об Афро Базальделле, написанной директором ньюйоркского Музея Гуггенхайма Джеймсом Свини в 1961 году. Все-таки искусствовед видит абстракцию сквозь фигуративную традицию, тогда как суть в самом процессе зрительного-видения. А так, конечно, встреча с тайной и чувственностью. С чем там еще встречается-то.

Эрмитаж, с 19 мая до 20 сентября